

Тезисы докладов Семинара Сети этномониторинга «Управление этнокультурным многообразием в современных миграционных реалиях» 22.11.2018, Пермь

Бабич И.Л. Кавказцы в Западной Европе: опыт социально-культурной адаптации и интеграции

Исследование осуществлено на основе собранных автором в 2014-2018 гг. полевых этнографических материалов о политических беженцах и экономических мигрантах, попавших в Западную Европу из регионов Северного Кавказа в 1990-2010 гг. – на примере Франции и Швейцарии.

Дается характеристика кавказских беженцев и мигрантов в Западной Европе (возраст, семейное положение, финансовое и социальное положение, получение гражданства, образование, профессии, религии, культурные среды: французская и швейцарская (немецкая, французская, итальянская), турецко-черкесская, северокавказская (кавказская), русская). Представлены основные аспекты этнокультурной адаптации кавказцев во Франции и Швейцарии (освоение государственного языка, получение профессий и работы, внедрение в местные среды, следование местному образу жизни). Показана роль государственно-общественных организаций в социально-культурной адаптации и профессиональной интеграции мигрантов, описана миграционная политика Швейцарии и Франции.

Для кавказских мигрантов первой волны постсоветской России и закавказских государств мы можем говорить исключительно об адаптации. Наличие или отсутствие отдельных компонентов «французской жизни» в образе жизни мигрантов-кавказцев совершенно не свидетельствует об отсутствии успешной адаптации. Первое поколение беженцев и мигрантов в целом адаптируется к местной культуре (за исключением тех, кто попал в эмиграцию подростками), а второе поколение – в значительной степени интегрируется в новую жизнь. Дети кавказских мигрантов во многом ассимилируются, называют себя швейцарцами, однако процесс реализуется сложнее в немецкой части Швейцарии.

Барышная Н.А., Мокин К.С. Общественные организации как социальный ресурс интеграции в миграционных условиях Саратовской области

Уже более 10 лет этнологического мониторинга в Саратовском регионе убедительно демонстрируют, что города с «миграционным прошлым» (Балаково, Саратов, Энгельс, Маркс и др.), более толерантно относятся к появлению на своей территории новых культур. С другой стороны – они более требовательны к соблюдению норм городского общежития. На основании распределения социологических ответов на вопрос «Как вам кажется, по каким группам у нас в стране более всего различаются люди?» видно, на что именно указывают горожане в качестве оснований стратификации: факторы экономические, по уровню дохода, по возрастным основаниям, по разделению на приезжих и местных и по этнокультурным характеристикам. В целом сама система стратификации отражает сложившуюся систему социальных отношений. В этой системе этнокультурные различия продолжают играть заметную роль, причем в ряде случаев этот фактор «определяет» как воспринимаемый общественным сознанием уровень успешности, так и уровень дискриминации. В настоящее время уровень дискриминации по этнокультурным признакам по ряду социологических показателей остается значительным. Он проецируется на систему социально-экономических и профессионально-трудовых отношений, практически не проявляя себя в системе социально-культурных отношений. Опираясь на исследования, можно сделать вывод, что в структуре гражданской идентичности доминирует территориально-историческая составляющая. В условиях становления и развития России как новой политической общности, инкорпорированной в международное сообщество и ориентированной на соблюдение прав и свобод граждан, актуальным представляется анализ состояния поддержки и развития этнокультурной идентичности жителей в рамках декларируемого культурного плюрализма. При этом, по мнению жителей региона, господдержка различных языков и культур осуществляется недостаточно.

Бубликов В.В. Практика и потенциал партнерства в интеграции мигрантов в Белгородской области

Белгородская область, приграничный регион, привлекающий значительное число иностранных мигрантов, имеет большой опыт адаптации и интеграции мигрантов. Миграционный приток включает значительное число вынужденных мигрантов. На рубеже 1980-90-х гг. в регион прибыли беженцы из зон конфликтов в Ферганской долине (турки-месхетинцы), Нагорном Карабахе (азербайджанцы, армяне, курды, езиды), Приднестровье (молдаване, гагаузы) и др. В 1990-е гг. Белгородская область приняла много вынужденных переселенцев из Чечни, представляющих разные этнические группы. В 2014-15 гг. беженцы прибывали в регион вследствие вооруженного конфликта в восточных областях Украины.

Одним из механизмов адаптации и последующей интеграции этих волн миграции, стало целенаправленное взаимодействие региональных и местных властей с группами и организациями мигрантов. Однако, вместе с в целом позитивным опытом властей, можно констатировать недостаточность взаимодействия с прибывшим для целей их полноценной интеграции. Одним из препятствий на пути построения эффективной системы государственно-общественного партнерства интеграции мигрантов в Белгородской области является низкий уровень институционализации мигрантских сообществ. В регионе действуют только 9 общественных объединений, представляющих этнические или миграционные сообщества. Значительны диспропорции в количестве общественных объединений разных этнических групп. Действуют три организации, представляющие еврейскую общину, которая по данным переписи населения 2010 г. составляла всего 373 человека и, напротив, отсутствуют объединения таких крупных этнических сообществ как украинцы (41,9 тыс. чел. в регионе), турки и турки-месхетинцы (4,8 тыс.), белорусы (3,3 тыс.), молдаване (2,1 тыс.), цыгане (2 тыс.), немцы (1,9 тыс.), узбеки (1,3 тыс.).

В реализуемой с 2014 г. региональной подпрограмме «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», констатируется, что «основной проблемой, возникающей при организации работы с диаспорами, является их разрозненность, а также низкий уровень владения русским языком в отдельных сообществах». Подчеркивается, что «среди основных проблем сферы этноконфессиональных отношений в Белгородской области следует отметить недостаточное взаимодействие национально-культурных автономий и религиозных организаций между собой, с органами исполнительной власти Белгородской области, органами местного самоуправления». Однако за более чем четыре года реализации программы, государственно-общественное партнерство по интеграции мигрантов и этнических групп качественно не улучшилось. Основной формой взаимодействия власти с такими сообществами является Совет по межнациональным отношениям.

ям при губернаторе области, представительство этнических групп в котором не в полной мере отражает этнический состав населения региона. Интенсивность работы Совета невысока, а его решения носят рекомендательный характер.

Даже в рамках небольшой Белгородской области, ситуация в разных муниципалитетах различна, но обмена опытом почти нет. Это стало очевидным в июле-августе 2018 г. вследствие инцидента в поселке Уразово Валуйского района. Отсутствие регулярных, институционализированных каналов коммуникации местных властей с представителями цыганской общины привело к быстрому разрастанию бытового преступления до уровня этнического конфликта, следствием которого стал массовый выезд цыган из мест постоянного проживания в Валуйском районе. Проблема интеграции цыган привлекала внимание исследователей давно, а высокий уровень межэтнической напряженности в поселке Уразово был зафиксирован еще двумя годами ранее, однако никаких превентивных действий властями и общественниками предпринято не было.

На текущий момент в Белгородской области имеются лишь отдельные элементы государственно-общественного партнерства, но нет системы межэтнической интеграции. При этом можно констатировать недостаточность взаимодействия общественных структур с властями. Чиновники ориентированы на работу с общественными организациями, имеющими официальную регистрацию, но некоторые крупные общины региона не имеют таких объединений, что парадоксальным образом исключает их из числа объектов государственной национальной политики. Недостаточно и взаимодействие региональных и местных властей с экспертным и научным сообществом, а следовательно нет в системе управления и должного уровня прогнозирования межэтнической напряженности и предупреждения конфликтов.

Воронцов В.С. Реализация государственной национальной политики в Удмуртии и вопросы этнологической экспертизы

Вопросы регулирования и гармонизации межэтнических отношений являются важнейшей составной частью региональной политики, одним из ключевых направлений реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. В пределах своей компетенции органы государственной и муниципальной власти Удмуртии осуществляют указанную деятельность, а также оказывают содействие общественным организациям и отдельным гражданам, заинтересованным в сохранении и развитии своих этнических культур, языков, конфессий.

В Удмуртии более 20 лет успешно функционирует Министерство национальной политики (министр Л.Н. Буранова), которое конструктивно сотрудничает с общественными организациями и экспертным сообществом. На уровне законодательной власти в Государственном Совете УР работает Постоянная комиссия по науке, образованию, культуре, национальной и молодежной политике и спорту (председатель Т.В. Ишматова).

Своевременному выявлению и предотвращению проявлений конфликтных ситуаций в республике способствует налаженная система мониторинга этноконфессиональных отношений. На протяжении последних 15 лет в Удмуртии по заказу миннаца ежегодно проводятся социологические исследования, позволяющие оценить состояние межэтнических и межконфессиональных отношений, оперативно реагировать на проблемные ситуации в данной сфере. Параллельно с государственными службами в Удмуртии осуществляют мониторинг эксперты Сети этнологического мониторинга (EAWARN) и Распределенного научного центра (РНЦ) по изучению межнациональных и религиозных проблем в регионах ПФО. В основу работы положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями органам государственной власти и местного самоуправления по предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания и гражданского согласия в обществе.

Благодаря совместной конструктивной деятельности органов власти, институтов гражданского общества, научного сообщества удалось превратить Удмуртию в территорию межнационального мира и согласия. По данным этномониторинга, в 2017 г. доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Удмуртии, составила 88,2%, уровень толерантного отношения к представителям других национальностей достиг 91,8%, на отсутствие негативного отношения из-за национальной принадлежности указали 90,9% опрошенных.

Удмуртия располагает значительным позитивным опытом в сфере реализации государственной национальной политики в условиях региона, который может быть востребован и в других регионах России: 1) успешная деятельность Министерства национальной политики как самостоятельного профильного ведомства; 2) опыт 10-летней позитивной работы республиканского Дома дружбы народов в т. ч., как ресурсного центра в сфере реализации государственной национальной политики; 3) сформирована система взаимодействия с муниципальными образованияами в части подготовки и реализации программ по гармонизации межэтнических отношений на местном уровне; 4) опыт успешного позиционирования и продвижения Удмуртии и удмуртской этнокультуры за пределами региона.

Используя указанные опыт и ресурсы, Удмуртия может выступать как площадка для культурно-массовых и научно-просветительских мероприятий самого высокого статуса, в том числе, на постоянной основе. Примеры такой деятельности: международная культурно-просветительская акция «Большой этнографический диктант», межрегиональный этногастрономический фестиваль блюд пельменного типа «Всемирный день пельменя», международный финно-угорский фестиваль молодежной этнокультуры «Палэзьян».

Габдрафиков И.М. Миграция и нациестроительство: пример Башкортостана

Статистика по механическому движению населения в 2018 г. свидетельствуют о том, что в регионе сохраняется неблагоприятная демографическая ситуация, ставшая характерной для него в последние годы. По данным республиканского управления Росстата общий итог естественного и миграционного движения населения за январь-сентябрь 2018 г. сложился с отрицательным результатом, составив -7534 чел. По итогам 9 месяцев общая миграционная убыль населения в Башкирии составила -4889 чел.

По мнению экспертов, одной из главных причин, вызывающих отток людей из Башкирии является относительно высокая доля сельского населения, составляющая порядка 40%, в то время как в соседских регионах – на уровне 20%, и это провоцирует трудовую миграцию именно из сельских районов. Так, в ряде сельских муниципальных районах республики убыль трудоспособного населения в 2017 г. достигла 22%. В республике этнические группы имеют различную степень урбанизации. В составе сельских жителей республики абсолютное и относительное большинство населения составляют также башкиры (43% от общей численности сельских жителей) и татары (24%). Доля башкир и татар в совокупной численности сельской молодежи и людей трудоспособного возраста еще выше.

По официальным данным только из сельской местности сегодня на работу в другие регионы ездит не менее 120 - 130 тыс. чел. Низкий уровень доходов в сочетании с тяжелыми условиями труда являются основной причиной миграции из

сельских районов. Чаще всего в поисках работы жители республики переезжают в Тюменскую область, за образованием едут в Москву и Санкт-Петербург. Также отмечается отток в соседние регионы - Татарстан и Челябинскую область.

Большой вклад в отрицательное сальдо миграции вносит отъезд из республики выпускников школ. Ежегодно от 15 до 17 тысяч выпускников школ покидают регион, большая часть их не возвращается в республику. К примеру, в самом восточном Учалинском районе (преимущественно башкирском) в 2010 - 2015 гг. в вузы республики поступило от 17 до 22% выпускников, а учебу в других регионах выбрало от 47% до 55%. В целом учиться в другие регионы из Башкирии уезжает около четверти всех выпускников школ.

Неблагоприятная демографическая ситуация в регионе является одной из наиболее часто обсуждаемых проблем на уровне правительства Башкирии, она признается одной из самых серьезных. Увеличение численности населения республики предусмотрено ее Стратегией и является одним из важнейших целевых показателей развития региона. На сегодняшний день разработан комплексный план по недопущению оттока местного населения.

Данные опроса, проведенного нами весной 2018 г. среди студентов вузов Уфы по проекту РНЦ по теме «Изучение общественного восприятия миграции и мигрантов (Оценка конфликтного и интеграционного потенциала местного населения (студентов вузов) в сфере миграционных отношений)» свидетельствуют, что значительная часть уже обучающихся в местных вузах потенциально могут пополнить ряды уезжающих из республики. Так, на вопрос «Планируете ли Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство?» более трети опрошенных ответило утвердительно, из них 13% - в другой регион России, 22% - в другую страну. В то же время 37% респондентов ответили, что не планируют покинуть регион, а 27% затруднились с ответом. При этом большинство студентов положительно оценивают межнациональные отношения в регионе. На вопрос «За последний год приходилось ли Вам испытывать негативное к себе отношение из-за языка, на котором говорите, своей национальности, религии?». 85% ответили, что не было никакого негативного отношения, 4% - из-за национальности, 2% - из-за языка, 6% - затруднились с ответом.

Ермак Г.Г. Роль институтов гражданского общества Приморья в реализации государственной миграционной политики

Роль институтов гражданского общества в реализации государственной миграционной политики в Приморском крае представлена в оценках экспертов по методике Сети этномониторинга и ИЭА РАН в г. Владивостоке и г. Находка в июне 2018 г. Эксперты оценивали участие представителей некоммерческого сектора Приморья в общественных советах по вопросам миграции при органах власти. Средний балл оценок равен 2,7 балла из пяти возможных. Особого эффекта от данной деятельности эксперты не видят, и средний балл эффективности составил всего 1,8 балла.

Определенный, достаточно значимый вклад, в сравнении с оценкой остальных видов деятельности по реализации миграционной политики, по мнению экспертов, общественность вносит в практическую адаптацию и интеграцию мигрантов (2,3 балла), но эффективность вклада оценена на 1,6 балла. Здесь можно не согласиться с оценкой экспертов, так как в Приморском крае все спорные вопросы, связанные с присутствием на территории края инокультурных мигрантов решаются с активным участием руководителей и лидеров национально-культурных общественных объединений, религиозных организаций и НКО консультативно-правового характера.

Общественные организации Приморья, предоставляющие правовую информацию по вопросам миграции, можно условно разделить на две группы. Первая - это организации, созданные экспертами из числа юристов и специалистов, ранее занимавшихся решением миграционных вопросов. Таких организаций в краевом центре три. Вторая группа - это организации, созданные мигрантами и активно оказывающие услуги по адаптации вновь прибывающим землякам, как правило, на коммерческой основе (5 организаций в краевом центре). Эксперты считают, что вовлеченность общественников в эту деятельность может быть оценена на 2,6 балла, а средний балл эффективности от такой деятельности достаточно скромный 1,8 балла, хотя типичная оценка в целом 2 балла. Как правило, правовая информация, необходимая мигранту на новом месте, связана с вопросами трудоустройства, обеспеченности жильем, медицинской помощью. В основном для решения этих вопросов мигранты обращаются к землякам. Т.е. интеграция, связанная с инкорпорированием мигрантов в социальные институты принимающего сообщества в большей степени осуществляется этническими и конфессиональными активистами, являющимися членами не только национально-культурных объединений, но и религиозных организаций, сотрудниками организаций, оказывающих коммерческие услуги по трудоустройству, представителями предпринимательского сообщества «диаспоры». Эксперты придерживаются мнения, что не всегда эта помощь вписывается в рамки правового поля, поэтому поставили достаточно скромные оценки деятельности по содействию легальному трудоустройству мигрантов (вовлеченность 1,9 балла; эффект 1,4) и содействию развитию легального и безопасного рынка временного жилья (вовлеченность 1,2 балла; эффект 1,0 балла).

По мнению экспертов в Приморском крае решение вопросов связанных с миграцией больше возложено на соответствующие административно-властные структуры, а также заинтересованный бизнес. Общественные институты в силу относительной благополучности (контролируемости) миграционной ситуации не проявляют высокой активности в тех вопросах, где справляется государство и бизнес. НКО региона могли бы проявить больше инициативы в деле привлечения нужных для социально-экономического развития края специалистов. По проблемам, связанным с формированием культурно - языковой конформности у мигрантов, НКО способны работать больше, но пока с этим работают коммерческие структуры - платные курсы, рекрутинговые и кадровые агентства, консультации, адвокатские бюро.

Зорин В.Ю. Правовые подходы государственно-общественного партнерства в адаптации и интеграции мигрантов

За последние годы в Российской Федерации были приняты меры правового и организационного характера, нацеленные на упорядочение миграционных процессов, повышение их прозрачности, на противодействие нелегальной миграции и связанным с ней негативным явлениям. Однако такая важная сфера как адаптация и интеграция трудовых мигрантов некоторое время не имела кураторов на федеральном уровне. В настоящее время вопросы социальной адаптации и интеграции мигрантов переданы в ведение Федерального Агентства по делам национальностей (ФАДН России).

По поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина готовится проект Закона, в котором подчёркивается, что системная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации является важнейшим условием эффективной реализации государственной национальной политики, которая одной из целей государственной национальной политики определяет успешную социальную и культурную адаптацию мигрантов, а в качестве одного из направлений – создание условий

для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Сформулирован перечень задач по формированию системы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Следует отметить, что успешная реализация поставленных целей может быть достигнута только при условии развития и совершенствования системы государственно-общественного партнерства в этой отрасли. Институты гражданского общества должны рассматриваться органами государственной власти в качестве равноправного партнера и привлекаться к решению задач адаптации и интеграции мигрантов.

Новый проект Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденный Президентом РФ 31 октября 2018 г., также предполагает широкое развитие системы государственно-общественного партнерства в сфере адаптации и интеграции мигрантов и управления миграционными процессами. Для реализации потенциала миграции населения в конкретном историческом контексте принципиально важным является превращение в жизнь новой государственной миграционной политики и эффективное управление миграционными процессами в Российской Федерации в современных условиях, а также дальнейшее укрепление партнерских отношений между властью и обществом.

Зорин В.Ю. Государственная национальная политика Российской Федерации: традиционные и новые подходы

Принятая в 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» знаменовала качественно новый этап в истории российской этнополитики. Была обозначена стратегическая двуединая задача: содействие этнокультурному развитию представителей всех народов, проживающих в России и укрепление единства российской гражданской нации. В 2015 г. в структуре органов государственной власти было создано Федеральное агентство по делам национальностей. В 2016 г., при ключевом участии Института этнологии и антропологии РАН, была разработана и принята Государственная программа реализации Стратегии. А также были приняты региональные программы в сфере межнациональных отношений.

В то же время стало очевидно, что на современном этапе стала насущной необходимость внесения коррективов Стратегии. На основе разработок ИЭА РАН, Сети этномониторинга, других научных организаций новый проект документа закрепляет концепт российской нации, уточненные цели Стратегии, среди которых неизменными остаются укрепление гражданского единства многонационального народа Российской Федерации, сохранение этнокультурного многообразия, поддержка языков, в том числе русского как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения.

Впервые в доктринальном документе о государственной национальной политике формулируются основные научные дефиниции, определяются показатели эффективности реализации Стратегии, подчёркиваются задачи создания организационно-правовых и экономических условий для расширения участия институтов гражданского общества; развития инфраструктуры государственной национальной политики Российской Федерации, совершенствования научного и экспертного обеспечения государственной национальной политики Российской Федерации, обеспечение профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, развития международного сотрудничества, информационного сопровождения проводимой работы.

Уточненная Стратегия опирается на подходы национальной политики, которые оправдали себя за последние годы. Вместе с тем документ исходит из новых геополитических реалий, задач обеспечения национальной безопасности, укрепления государственного единства и целостности России, поддержания межнационального согласия, гармонизации общественных и государственных интересов.

Комаров С.Г. Восприятие мигрантов в Москве: социально-антропологический анализ

Специфика деятельности анкетера позволяет дополнить статистические данные массового опроса материалами наблюдений. Через работу анкетера в рамках исследовательского проекта "Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации" могут быть освещены следующие вопросы: категоризация мигрантов в обыденном сознании; характер и особенности взаимодействия коренного населения с мигрантами; социальные и государственные механизмы, влияющие на миграционные процессы, в представлении москвичей и др. Взаимодействие анкетера и респондента в процессе проведения опроса способно отразить некоторые тенденции в отношении москвичей к государственной миграционной политике. Включение этих сведений дает возможность учитывать при корректировке Стратегии государственной национальной политики и государственной миграционной политики мнение обычных граждан, являющихся непосредственными потребителями и участниками в ходе реализации этих государственных проектов.

Кульбачевская О.В. Возможности сотрудничества государства и общества в системе миграционных центров

Одним из важных условий успешной реализации государственной миграционной и национальной политики является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, формирование конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. Одним из механизмов является создание миграционных центров. Велика роль и общественных организаций. Однако текущая ситуация в России такова, что в составе мер по интеграции деятельность центров для мигрантов вообще не предусмотрена. Адаптация и интеграция мигрантов в рамках плана мероприятий по реализации государственной национальной политики (ГНП) возлагается в первую очередь на неправительственный сектор. На сегодняшний день отсутствует сеть центров для мигрантов, созданная на государственной основе с применением единых стандартов социокультурных программ. Такая важная в сфере достижения межнационального согласия задача как обеспечение нормального социального самочувствия мигрантов и местного населения системно не решается. Этими вопросами отчасти занимается общественный сектор, не имеющий административных ресурсов. Госструктуры (в том числе многофункциональные центры) оказывают мигрантам услуги административного и правового характера. Существует несколько типов центров для мигрантов: многофункциональные (они редко оказывают социальные услуги); центры языковой и социокультурной адаптации, которые, как правило, являются неправительственными.

Указанное в Стратегии ГНП государственно-частное партнерство по адаптации и интеграции мигрантов не является скоординированной функцией даже на федеральном уровне. Что касается регионального уровня, то экспертиза региональных госпрограмм в области нацполитики (которую осуществил Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнолого-этнографического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в 2016 г.), выявила, что субъекты РФ при реализации национальной политики очень мало уделяют внимания теме миграции, а создание миграционных центров – это случаи единичные. Основная форма государственно-общественного партнерства – это государственная

финансовая поддержка проектов неправительственного сектора. Однако, количество финансируемых государством проектов в этой сфере невелико, а географический охват ограничен. До настоящего времени потенциал государственно-общественного сотрудничества в системе центров для мигрантов используется в незначительном объеме и совершенно не соответствует требованиям времени.

Мартыненко А.В. Общественное восприятие иностранных мигрантов в Мордовии

В миграционных процессах на территории Мордовии можно выделить два разнонаправленных вектора. Это массовый отток населения республики с 1990-е гг., связанный с низким уровнем доходов населения и стремлением уезжать в поисках заработка (преимущественно в Москву и Московскую область). Особенно интенсивен миграционный отток из сельских районов Мордовии. В свою очередь, это ведет к уменьшению населения республики. В 1990-е и 2000-е гг. численность жителей республики сократилась на 138 тыс. чел. (около 14%). Вторым вектором является приток в республику мигрантов, среди которых велика доля граждан ближнего и дальнего зарубежья.

Иностранную миграцию можно условно разделить на три вида. Это трудовая миграция, составляющая основной поток прибывающих в Мордовию иностранных граждан. В этом смысле данный регион отображает общероссийский тренд увеличения численности иностранной рабочей силы. Если в 2001 г. в республике были лишь десятки гастарбайтеров, то в 2010-е гг. счет прибывающих в Мордовию на заработки шел на тысячи. Основным поставщиком стали государства Средней Азии (в первую очередь, Узбекистан). Еще один поток – учебная миграция. В Мордовском университете с 1990-х гг. обучаются студенты из многих стран Азии и Африки, а Мордовский педагогический институт в 2010-е гг. стал принимать на обучение граждан Туркменистана. Третьим источником иностранной миграции являются беженцы с Донбасса: в период наиболее ожесточенных боевых действий на Юго-Востоке Украины (2014–2015 гг.) их численность в Мордовии достигала 2 тыс. чел.

В Мордовии, как и на всей территории России, проблемы миграции находятся в ведении государственных структур. Это Управление федеральной миграционной службы России по РМ, Государственный комитет РМ по труду и занятости населения. Названные учреждения не только оказывают государственные услуги в сфере миграции, но и анализируют проблемы и перспективы развития миграционных процессов. Важную роль в регулировании и мониторинге миграционной ситуации играет Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ (Мордовиястат). Регулирование привлечения и использования иностранной рабочей силы на территории республики осуществляется на основании федеральных нормативно-правовых актов, какие-либо местные, региональные законы в данной сфере отсутствуют. Что касается общественных организаций Мордовии, то определенную поддержку трудовым мигрантам из закавказских государств оказывают региональные отделения Союза армян России и Всероссийского азербайджанского конгресса. Достаточно активно с рабочими из Средней Азии и с иностранными студентами-мусульманами работает местная умма (исламская община), вовлекая их в свою религиозную жизнь. Однако, по мнению автора доклада, потенциал общественных организаций в данной сфере, равно как и возможности их взаимодействия с государством, реализуются не в полной мере. Усиление государственно-общественного партнерства в сфере миграции представляется тем более необходимым, если учитывать определенный рост ксенофобских настроений, отмеченных в последние годы в Мордовии – регионе, который традиционно характеризуется высокой степенью межэтнической и межконфессиональной толерантности.

Мартынова Е.П. Мигранты в Тульской области: реакции местного населения и ресурсы государственно-общественного партнерства в интеграции

Тульская область является территорией значительного притока трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. С каждым годом число ставших на регистрационный учет иностранных граждан возрастает. В область ежегодно на ограниченный период приезжает около 100-150 тыс. иностранцев, большинство из них – трудовые мигранты. Единновременно в области работает 20-23 тыс. гастарбайтеров. Наиболее заметными сферами миграционной активности являются строительство, транспорт, ЖКХ, сельское хозяйство.

Основной поток направляется из Узбекистана и Таджикистана (соответственно 27% и 11% из всех прибывших). Многие из них сами или их родители были гражданами единого государства с туляками. По данным нашего опроса экспертов, жителей Тулы, в 2018 г. почти половина относит к соотечественникам «всех, кто родился в СССР», т.е. считают бывших советских граждан «своими». Такой показатель свидетельствует о том, что различия между россиянами и гражданами постсоветских государств пока не столь велики, как, например, различия между мигрантами и населением государств Западной Европы. Оценивая миграционную обстановку в Тульской области, 43% экспертов сочли эту обстановку спокойной, не вызывающей особых тревог.

В Тульской области система государственных служб, призванных оказывать помощь мигрантам и иностранным работникам, развита слабо, поэтому поддержка со стороны диаспор, землячеств, правозащитных организаций чрезвычайно важна. Из обсуждаемых при опросе экспертов 26 возможных направлений деятельности по адаптации и интеграции, общественные организации не участвуют, по крайней мере, в 10 направлениях, крайне редко работают по 12 направлениям, эпизодически – по 3-м. Эксперты признали, что кроме эпизодического участия в предоставлении правовой информации по вопросам миграции, а также в проведении мероприятий по формированию уважительного отношения мигрантов к культуре и традициям местных жителей и противодействию ксенофобии, общественные организации более не прилагают каких-либо усилий в этой сфере. Такой результат опроса свидетельствует о незаинтересованности многих общественных организаций в интеграционных мероприятиях, хотя на различных совещаниях и в СМИ общественники заявляют, как правило, обратное. Видимо, многие из них полагают, что процессы адаптации и интеграции могут развиваться в нужном направлении самопроизвольно без поддержки со стороны институтов гражданского общества. Многие общественные организации Тульской области практически самоустранились от участия в реализации миграционной политики. Постоянную работу по выявлению нарушений миграционного законодательства ведут полицейские, информация о количестве нарушений в сфере миграции регулярно появляется на сайте УМВД по Тульской области.

В целом высказанная экспертами низкая оценка активности общественных организаций в Тульской области по реализации миграционной политики и их участия в адаптации и интеграции мигрантов свидетельствует о недостаточности работы в этой сфере как со стороны самих общественников, так и местных властей. Необходимо искать и популяризировать новые формы взаимодействия.

Мартынова М.Ю. Языковое многообразие населения России в миграционных реалиях

В докладе обсуждается проблема языкового образования в России и дискуссий об изучении родных языков. В общественных дебатах внимание сосредоточено на июльской поправке 2018 г. в федеральном законе об образовании, которая закрепляет право свободного выбора учащимся на изучение родных языков, включая и выбор государственных языков в республиках России. Местные элиты и этнонациональная интеллигенция республик видят в этом принижение статуса «своих» государственных языков. В дискуссиях упускается проблема внешних и внутренних мигрантов. Сегодня многие иностранные мигранты живут в России семьями, их дети получают образование в соответствующих местах проживания. По некоторым данным, численность временных мигрантов, прибывающих в Россию, приближается к 9-10 млн. чел., а в российских школах учится около полумиллиона детей из семей иностранцев. Внутророссийская миграция представляет переезд из сел в города и межрегиональные перемещения на постоянное или длительное временное проживание. По статистике, численность уехавших на постоянное проживание в другой регион страны составило в 2017 г. 4,2 млн чел., но это только небольшая часть переселений, поскольку многие меняют место жительства без регистрации в своих документах. Значительная часть внутророссийских миграций связана не с одиночными, а семейными переселениями. Велик также вклад учебных миграций.

По результатам исследований ИЭА РАН и Сети этномониторинга, в 2018 г., из общего количества студентов вузов, 17% являются выходцами из других российских регионов, 5,5% - прибыли из других государств. Опрос старших школьников в 2017 г. показал, что приезжими из регионов России являются 8,3%, из других государств – 3,1%. По опросам в том же году родителей школьников, 13,4% были приезжими из других регионов, а 3,5% прибыли из других государств. Учитывая 4-миллионную численность населения России в возрасте 15-17 лет, можно оценить количество старших школьников, переезжающих из одного региона в другой, как не менее 300 тыс. чел., а прибывших из-за рубежа – не менее 120 тыс. чел.

Таким образом, свобода и возможность выбора при изучении родных языков имеет важное значение для семейной миграции, оказывает существенное влияние на адаптацию и интеграцию мигрантов посредством системы образования.

Из зарубежного опыта можно привести пример Швейцарии, в которой нет единой национальной системы среднего образования, образование существенно различается по кантонам, а официальный язык каждого кантона является языком школьного обучения. При переезде семьи из одного кантона в другой, ребенок вынужден менять язык обучения (например, был немецкий язык обучения, а стал – французский) или ездить в школу в другой кантон.

Вряд ли Россия на своей огромной территории должна создавать ситуацию, при которой переезд на новое место жительства создает существенные образовательные проблемы для семьи. Корректировка российского закона об образовании улучшает возможности культурной интеграции и дает новые возможности развития языкового многообразия.

Пивнева Е.А. Коренные малочисленные народы Севера в контексте Стратегии государственной национальной политики РФ (опыт Югры)

В соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, одним из основных принципов государственной национальной политики РФ является обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Соответствующие задачи закреплены в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) Российской Федерации и реализуются федеральными органами исполнительной власти в рамках плана мероприятий по реализации Концепции в 2016–2025 годах. В целях сохранения культуры и традиций коренных малочисленных народов, поддержки их экономического и социального развития реализуется государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», в которую включена специальная подпрограмма «Коренные малочисленные народы Российской Федерации», разработанная Институтом этнологии и антропологии РАН. Государственная поддержка осуществляется также за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и внебюджетных источников (в ряде регионов действует практика заключений соглашений о сотрудничестве с промышленными компаниями в части социально-экономического развития коренных малочисленных народов).

Ханты-Мансийский автономный округ - Югра – один из ведущих субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития коренных малочисленных народов, а также по уровню нормативного правового регулирования в области развития КМН. В целях поддержки их жизнедеятельности в округе принято более 50 нормативных правовых актов, в том числе более 10 «именных» законов, а также Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов и План мероприятий по ее реализации. Осуществляется поддержка учреждений культуры, системы дополнительного образования, а также лиц, занимающихся развитием традиционных промыслов, популяризирующих декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов. Среди новых направлений деятельности правительства автономного округа ставка делается на вовлечение КМН в создание и развитие рекреационной деятельности, модернизацию их традиционной хозяйственной деятельности.

Тем не менее, в остаются нерешенные вопросы. Основным законом, гарантирующим права КМНС на обеспечение приоритетного традиционного природопользования и промыслов, сохранение традиционного уклада жизни и быта, является Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Однако он не урегулировал некоторые важные вопросы создания, использования и упразднения территорий традиционного природопользования. Не теряет своей актуальности вопрос о возмещении ущерба и убытков, причиненных исконной среде обитания и традиционному образу жизни КМН хозяйственной деятельностью организаций. Препятствия для практического решения вопросов, касающихся защиты интересов северных аборигенов, связаны с идентификацией субъектов таких прав. Критерии «идентификации» и процедуры решений относительно поддержки коренных малочисленных народов Севера в настоящее время остаются дискуссионными, как во властной среде, так и среди исследователей.

Подлесных О.Н. Этнологическая экспертиза миграционной ситуации в Московском регионе

В сентябре-октябре 2018 года Сеть этномониторинга провела опрос экспертов по теме «Миграция и межнациональные отношения: государственно-общественное партнерство по адаптации и интеграции мигрантов в регионах России». Согласно установленным региональным квотам, в Москве шестую часть составили сотрудники органов государственной власти либо подведомственных учреждений; половину - представители общественных организаций этнокультурной, миграционной, правозащитной направленности и оставшуюся часть - научные работники и педагоги. При этом более половины опрошенных экспертов занимается проблемами миграции профессионально, т.е. причастны к принятию решений в данной сфере, остальные эксперты касаются миграционной темы, хотя их основная деятельность иная. Эксперты оценивали влияние миграции (внешней и внутрироссийской), учитывая процессы, связанные с оттоком и притоком населения.

Описывая общий характер влияния миграции на демографическую ситуацию в регионе, 60% респондентов заявили, что считают это влияние положительным и около 40% сочли его отрицательным. Представители госструктур редко склонны оценивать воздействие миграции на демографию столицы как положительное. В отличие от них научное сообщество и представители общественных организаций считают это влияние в первую очередь положительным, причем среди ответов ученых наибольшее число положительных. В целом большая часть экспертов считают, что миграция отрицательно повлияет на социальную обстановку в регионе. Наиболее значительное отрицательное влияние миграция оказывает (в порядке убывания) на социальную и транспортную инфраструктуру, криминогенную ситуацию, занятость и безработицу, зарплаты и доходы населения. Среди положительных факторов ведущими являются улучшение качества сферы услуг и приток квалифицированных кадров.

Баланс межнациональных отношений в Москве, по мнению экспертов, выглядит положительным. В качестве положительных моментов выделяются отсутствие районов «контролируемых» мигрантами, не ощущается значительной угрозы культуре, местному укладу жизни, объектам истории и культуры. Отрицательным фактором выступает наличие нетерпимости к приезжим. Большинство экспертов отрицают в Московском регионе в краткосрочной перспективе вероятность появления массовых конфликтов между приезжими и местными.

Состав потребностей региона в адаптации иностранных мигрантов и приезжих из других регионов России, как его видят эксперты, довольно близки. В отношении зарубежных мигрантов эксперты выделяют в качестве основных требований обучение русскому языку, обеспечение доступа к социальным, медицинским и образовательным услугам. В отношении внутренних мигрантов, также называют доступ к социальным, медицинским и образовательным услугам и содействие приезжим в трудоустройстве.

Родионова Е.В. Предупреждение ксенофобии в Санкт-Петербурге: уроки толерантности и практика межкультурного взаимодействия

Санкт-Петербург является одним из самых благополучных городов России по уровню социально-экономического развития. Отчасти в силу этого уровень толерантности в городе по отношению к мигрантам выше, чем в других регионах. Результаты нашего экспертного опроса и массового опросов жителей Санкт-Петербурга и петербургского студенчества свидетельствуют о том, что ксенофобные проявления не свойственны данному региону.

Традиционно исследователи, эксперты придерживаются алармистских позиций в соответствии с которыми, студенческая молодежь якобы более склонна проявлять ксенофобные настроения. Однако наше исследование показало, что радикальные настроения по отношению к мигрантам свойственны лишь 5% студентов Санкт-Петербурга, тогда как значительная часть вузовской молодежи очень позитивно относится к возможности взаимного культурного обмена, обучения культуре и традициям народов из стран исхода. При этом значимую роль играют такие повседневные практики как приготовление пищи (обучение тонкостям кухни стран исхода), освоение ремесел и обучение рукоделию, изучение языка народов из стран исхода.

Среди жителей Санкт-Петербурга средний процент негативных высказываний в адрес мигрантов несколько выше, чем среди студентов и составляет 16%, но в целом они также готовы осваивать новые практики, связанные с культурой мигрантов. Доля респондентов негативно относящихся к культурному взаимодействию с мигрантами не превышает 10%.

В целом высокий уровень толерантности среди студентов и жителей Санкт-Петербурга является результатом действий администрации, прежде всего, на муниципальном уровне. В мегаполисе реализуется большое количество мероприятий, фестивалей, форумов, праздников, направленных на знакомство с разными культурами, взаимный культурный обмен и доверительные отношения.

Сенюшкина Т.А. Управление миграционными процессами и поддержка стабильных межнациональных отношений в современном Крыму

В условиях интеграции Крыма в российский политическом, экономическом, правовом и социокультурном пространстве актуализируется постановка вопроса о наиболее результативных формах и механизмах управления миграционными процессами в этнокультурной сфере. В качестве основных элементов системы управления миграционными процессами мы рассматриваем законодательные нормы и их выполнение, информационно-аналитическое обеспечение принятия управленческих решений, межведомственное взаимодействие, сотрудничество органов государственной власти с общественными организациями. На основе анализа статистических данных и результатов социологических исследований мы проанализировали причины изменений миграционной ситуации в Крыму, а также ее тенденции с весны 2014 г. На основе регулярного мониторинга нами сделан вывод о том, что неэффективный контроль миграционных потоков на полуостров оказывает негативное влияние на региональный рынок труда, а также способствует активизации организованных преступных групп, чья деятельность связана с незаконной миграцией.

Второй тематический блок доклада посвящён роли общественных организаций в решении проблем мигрантов, прибывающих в Крым с целью трудоустройства. Проанализированы механизмы, которые используют общественные организации в своей деятельности, при этом основное внимание уделено анализу информационных ресурсов, которые создаются данными организациями для достижения поставленных целей. Миграционная политика в Крыму должна рассматриваться в качестве элемента системы государственно-общественного партнёрства, которая функционирует с целью поддержки стабильных межнациональных отношений в регионе. Для оптимизации системы управления миграционными процессами в Крыму необходимо привести миграционную политику в соответствие с международными стандартами, сформировать оптимальную институциональную структуру, обеспечить реальное межведомственное взаимодействие с ресурсным и нормативно-правовым обеспечением.

Старченко Р.А. Мониторинг этнокультурной политики в Крыму

Институт этнологии и антропологии РАН проводит в Крыму ежегодные (с 2013 года) мониторинговые этносоциогические исследования. Исследование о проблемах и перспективах языковой и этнокультурной интеграции в сфере образования на территории Крыма проведено с января по апрель 2016 г. в Симферополе, Севастополе, Бахчисарае, Белогорске, Евпатории, Керчи, Судак, Феодосии, Ялте. Применялись три подпрограммы исследования. По первой подпрограмме изучено мнение родителей школьников всех ступеней, при этом опрошено 400 чел. По второй подпрограмме опрашивались учащиеся – старшеклассники общеобразовательных школ (половина респондентов) и студенты различных вузов (вторая половина респондентов данной категории), всего 3000 подростков и молодежи. По третьей подпрограмме выявлялось мнение педагогов и иных экспертов, совокупно составивших 490 опрошенных.

Сложный этнический и языковой состав крымчан, доминирование в повседневной жизни русского языка и российской гражданской идентичности не отменяет желания разных групп населения поддерживать этнические языки и культуры в системе школьного и вузовского образования.

Среди респондентов школьников и студентов, указавших, что их родной язык украинский, абсолютное большинство – 84% не сталкивались с ограничениями при использовании своего языка, и лишь некоторые полагают, что такие ограничения существуют – 11%. Среди тех школьников и студентов, кто назвал родным языком крымскотатарский, на отсутствие проблем с использованием своего языка указывает 45%, а на наличие таких проблем – 55%. При этом респонденты чаще говорили о языковых препятствиях не в связи с какой-либо общественной конфронтацией, а о том, что окружающие не знают их языка. Некоторые респонденты с родным крымскотатарским языком указывали, что они сами не очень владеют этим языком – среди школьников и студентов таких ответов 17%.

В Крыму очень мало тех, кто расценивает общественное отношение в свой адрес, как дискриминацию по культурным различиям. Но по отдельным категориям населения показатели могут заметно различаться. О том, что им за последнее время пришлось испытать негативное к себе отношение из-за разговорного языка заявило лишь 1,8% опрошенных взрослых и 4,8% школьников и студентов. Если рассматривать ответы школьников и студентов (как наиболее массовую аудиторию в данном исследовании), то среди лиц с родным украинским языком о негативном отношении в свой адрес по причине языковых различий заявили 9,7%. Среди школьников и студентов с родным крымскотатарским языком на негативные проблемы из-за языка указали 8,2%.

Больше выявлено недовольных из-за негативного к ним отношения по этническому и религиозному признакам. В масштабе Крыма эти цифры невелики – среди взрослого населения соответственно 5,3% и 4,3%, а среди молодежи – 7,8% и 3,8%. По группам населения картина выглядит острее. Среди молодежи респонденты с этнической идентичностью украинцы, в том числе множественной идентичностью (украино-русской и др.), говорили о негативном в свой адрес отношении из-за национальности в 17% случаев, из-за религии в 2% случаев. Среди опрошенной молодежи – крымских татар о негативном к себе отношении из-за национальности заявили 26%, из-за религии – 10%. В отношении взрослой части населения полученные при опросе цифры по этническим группам не имеют статистической достоверности, но близки (хотя и ниже) названным значениям.

Уже сегодня разные этнические языки и этнокультурное содержание является составной частью образовательного процесса в крымских школах. Не будем приводить официальную статистику, сошлемся на данные опроса: из общего количества респондентов-педагогов около четверти заявили о наличии в своих образовательных учреждениях на каждой образовательной ступени соответствующих курсов и тематических разделов. Этнокультурное образование в Крыму есть и действует, хотя и в меньших масштабах, чем оно востребовано. Но что произойдет, если это направление не будет должным образом развиваться или даже подвергнется урезанию? На этот счет единого мнения у педагогов нет. Почти половина полагает, что общественного резонанса не последует. Однако треть экспертов уверена, что массовое недовольство возможно, а остальные эксперты уклонились от ответа. Тут еще нужно учесть, что в условиях Крыма общественная реакция может последовать и при чрезмерном усердии по «внедрению» языков. Перегибы в ту или другую сторону могут иметь отрицательные последствия, и очевидно требуется постоянный мониторинг ситуации. Нужно четко осознавать, что управленческое регулирование осуществляется в особом регионе, чувствительном во всем, что касается вопросов языка и межнациональных отношений.

Полученные итоги исследования подтверждают необходимость в Крыму максимально взвешенных решений в сфере образования и языковой политики, с опорой на мониторинг и уважительное внимание к общественным потребностям в области культуры и языков. Однако многокультурность в образовании не должна быть ложно понятой как цель воздвигнуть непроходимые языковые и прочие барьеры для групп населения. Напротив, в Крыму в образовательной сфере необходима политика культурной интеграции, причем ее следует рассматривать как важнейший механизм упрочения гражданского единства и социального мира.

Степанов В.В. Оценка конфликтного потенциала миграционных отношений в России

Современная общественно-политическая ситуация в российских регионах существенно отличается от той, какая была в 1990-е гг. и первой половине 2000-х годов. В тот период понимание «межнациональных отношений» фокусировалось в обществе на взаимных претензиях групп местного населения, на мнимых приоритетных правах и льготах для отдельных национальностей. Сегодня времена лобового национализма в России миновали. Исследования Сети этномониторинга показывают, что равенство прав независимо от национальности, языка, религии и происхождения разделяется большинством российских граждан. Однако не исчезли националистические рецидивы и не исчезли проявления так называемого бытового национализма. Этническая и религиозная нетерпимость в той или иной форме проявляются во многих регионах, в том числе и там, где нет и не было конфликтов.

Но «бытовые» формы национализма, ксенофобии и нетерпимости переместились в сферу миграционных отношений. Даже в регионах, где нет мигрантов, «мигранты» являются чуть ли не главным общественным раздражителем. Претенденты на попадание во власть нередко увязывают проблему миграции с вопросами занятости, ростом цен на товары и коммунальные услуги. Эти же приемы популизма активно применяются в странах зарубежной Европы под маркой «миграционного кризиса», причем даже в тех странах, куда мигранты ехать не желают, а наоборот, из этих стран люди во множестве уезжают в поисках заработка.

Когда речь заходит о мигрантах, не только средний обыватель, но даже эксперты склонны проявлять нетерпимость. В 2018 г. Сеть этномониторинга и Институт этнологии и антропологии РАН провели опрос экспертов в российских регионах.

Опрашивались управленцы, ученые и общественники, кто по роду деятельности занимается миграцией. Намеренно опрашивались в регионах, где мало мигрантов. Выяснилось, что эксперты различают последствия от миграции по двум направлениям – для бюджета региона и для кошелька среднего жителя. В первом случае эксперты видят выгоды, тогда как во втором случае наборот – риски. Особые социальные риски из-за миграции эксперты усмотрели в отношении доходов населения. Треть экспертов полагает, что последствия от миграции могут приводить к снижению уровня заработной платы у местных жителей, а четверть указывает на вероятное повышение цен на потребительские товары и услуги. Эксперты также говорили о возможном снижении доступности и качества медицинских услуг (27% мнений). Наибольшие опасения эксперты высказали по поводу возможного увеличения нагрузки на социальную и транспортную инфраструктуру (более половины мнений). Также велики опасения экспертов по поводу возможного ухудшения «из-за миграции» криминогенной обстановки (48% мнений). Социальные осложнения в результате миграции дополняются, по мнению экспертов, проблемами в сфере межэтнических и религиозных отношений. О потенциальном отрицательном воздействии миграции на межнациональные отношения в своем регионе говорили 42% экспертов, причем среди профессиональных миграциологов так считают даже 47%. Как у экспертов, также и среди населения скрытые негативные стереотипы по отношению к «ближнему» остаются явными в адрес мигрантов. Поэтому измерение общественного отношения к мигрантам является важнейшим индикатором, по которому проверяется истинное положение вещей в сфере межнациональных и религиозных отношений в современной России.

Строгальщикова З.И. О деятельности центров межнационального сотрудничества в Карелии

Население Карелии с 1989 по 2017 гг. сократилось в основном за счет естественной убыли с 790 до 622,5 тыс. Сальдо миграции колебалось незначительно, но в последние годы было отрицательным. Убыль происходит за счет сельского населения, что поддерживает демографическую устойчивость столицы Карелии - г. Петрозаводска, где проживает 278 тыс. чел. Тем не менее, тема миграционного притока стала острой в Карелии со времени нашумевших на всю страну столкновений местных жителей и выходцев с Кавказа в г. Кондопоге (сентябрь 2006 г.). К причинам кондопожских событий отнесли ошибки в национальной политике, отсутствие зрелых гражданских институтов.

Как показывает статистика, чеченское население Карелии на тот период составляло всего 400 чел., среди них преобладали недавние переселенцы, в том числе вызвавшая особое недовольство местного населения чеченская молодежь («дети войны»). При последней советской переписи в 1989 г. чеченцев в Карелии было всего 78 человек.

Сегодня среди кавказцев в Карелии большинство составляют азербайджанцы и армяне, которые начали переселяться в регион еще в конце 1970-х гг. Их группы устойчивы и составляют вместе около 4 тыс. человек. В основном все они жители Петрозаводска. У них давно и активно работают общественные организации. Состав прочих кавказских групп, в том числе чеченцев и ингушей, сокращается из-за оттока из Карелии.

С целью содействия адаптации мигрантов в Карелии, «Карельский ресурсный центр общественных организаций (КРЦОО) в декабре 2006 г. по гранту Общественной Палаты РФ стал реализовывать проект «Развитие Центра поддержки некоммерческих организаций». Через год - 24 августа 2007 г. в г. Кондопоге в вновь открывшем Молодежном культурном центре, возведённом на месте кафе «Чайка», где произошли трагические события, был открыт первый в Карелии «Центр социально-культурной адаптации мигрантов». Его задачей являлось содействие адаптации мигрантов в Карелии, оказание им консультационных услуг информационного, правового, психологического и социально-культурного характера. В такой роли центр в Кондопоге оказался мало востребованным, он постепенно трансформировался в Центр межнационального сотрудничества, где проводят свои мероприятия общественные организации республики.

В 2007 г. по инициативе КРЦОО при библиотеках г. Сортавала и г. Олонца были созданы центры адаптации мигрантов. Наряду с услугами мигрантам, которых за пределами г. Петрозаводска немного, они стали центрами межнационального сотрудничества. В Олонце с 2015 г. центр адаптации мигрантов официально переименовали в Центр межнационального сотрудничества.

В 2012 г. открылись Центры адаптации мигрантов в городах Беломорске, Сегеже и в Медвежьегорске, что было связано с увеличением таджикской и узбекской диаспоры. Особенно возросло количество мигрантов и вынужденных переселенцев в 2014 и 2015 гг. после политического кризиса и военных действий на Украине. В 2015 г. центр межнационального сотрудничества был открыт в Питкяранте, в 2016 г. в г. Петрозаводске и Суоярви, в 2017 г. в п. Калевала, в 2018 в п. Пряжа. Последние два открылись на базе этнокультурных центров.

Центры, создаваемые для помощи мигрантам, постепенно расширяют свою деятельность и становятся полифункциональными, активно сотрудничают с этническими общественными организациями Карелии. В последнее время они стали площадками, где осуществляется диалог органов местного самоуправления и различных НКО, устанавливаются связи между городскими и сельскими организациями, что значительно повысило их активность. В 2017 г. из Фонда президентских грантов 43 НКО Карелии получили 57 млн. руб. на свои проекты, в 2018 г. 51 организация получила 85 млн. руб. Для Карелии с весьма ограниченными ресурсами такая поддержка из федерального бюджета является крайне важной для развития гражданского общества и улучшения межкультурных отношений.

Тюхтенева С.П. Реализация государственной национальной политики в Республике Алтай и вопросы этнологической экспертизы

Государственная программа Республики Алтай «Реализация государственной национальной политики» утверждена постановлением №246 от 3 августа 2018 года, которое вступает в силу с 1 января 2019 года. Как сказано в программе, ее администратором является комитет по национальной политике и связям с общественностью правительства республики. Соисполнители — Правительство РА, министерство образования и науки, министерство культуры, министерство здравоохранения, комитет по физической культуре и спорту. Сроки реализации предусмотрены на 2019 – 2024 гг. Запланированный объем финансирования — 200,7 тыс. руб.

Региональная законодательная база, обеспечивает реализацию госпрограммы – это Закон Республики Алтай от 03.03.1993 г. № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» (закон устанавливает основные принципы языковой политики в Республике Алтай, правовое положение языков на территории Республики Алтай, регулирует использование языков в органах государственной власти и управления, в работе государственных органов, предприятий, учреждений и других сферах); Закон Республики Алтай от 06.10.2009 г. № 48-ПЗ «О перечне территорий компактного проживания коренных малочисленных народов в Республике Алтай»; Закон Республики Алтай от 25.06.2014 г. № 53-ПЗ «О

культуре в Республике Алтай» (законом установлены общие принципы государственной поддержки и сохранения культуры и языков народов республики).

Реализацией государственной национальной политики в республике занимаются созданные в 2015 г. Комитет по законодательству и национальной политике Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай и в 2014 г. в Правительстве Республики Алтай – Комитет по национальной политике и общественным объединениям, а также Дом дружбы народов, созданный в 2016 г. как подведомственная структура этого комитета.

Черникова В.В. Партнерство в адаптации мигрантов в Воронежской области

Воронежская область показывает хорошие темпы экономического роста, опережающие среднероссийские. Индекс промышленного производства составил 104,7% в 2016 г., 106,9% в 2017 г. В январе-марте 2018 г. рост промышленного производства составил 7%, сельскохозяйственного производства – 11,4%. Потребности в экономике и демографическая ситуация обусловили выбор региональной власти в пользу открытой миграционной политики. В Воронежской области наблюдается устойчивый миграционный прирост, который, несмотря на некоторое снижение в 2017-2018 гг., остается значительным.

Традиционно в миграционном процессе выделяют три стадии: формирования территориальной подвижности населения, процесс переселения и стадия приживаемости мигрантов на новом месте. Региональная миграционная политика в большей мере ориентирована на регулирование и поддержку миграционного процесса в рамках стадии процесса переселения. Государственные институты взаимодействуют с мигрантами по вопросам оформления документов. Предварительная и последующая стадии часто выпадают из поля миграционной политики, проводимой региональной властью. Однако для Воронежской области значение имеет не только прием мигрантов, но и закрепление их в регионе, создание условий для приживаемости новых членов сообщества, что оптимально реализовывать с участием общественных структур.

Проведенный нами экспертный опрос в мае 2018 г. по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга показал, что в Воронежской области потенциал общественных структур используется не в полной мере, и есть существенные резервы для плодотворной деятельности в этой сфере. Только 33% экспертов отметили, что наблюдается значительная вовлеченность общественных структур, только 22% экспертов указали на её эффективность. Большинство экспертов (56%) считают участие в работе незначительным, а эффективность низкой (62%). Это критично, но в целом объективная оценка, поскольку число общественных организаций, действующих в этой сфере, незначительно, а их ресурсы резко ограничены. Вовлечение новых активистов, особенно молодежных, пока не изменило сложившуюся ситуацию. Заметим, что в 2018 г. наблюдается активизация деятельности в этом направлении.

Общественные структуры обладают высоким потенциалом в сфере решения миграционных вопросов. Хотя у них нет значительных финансов, они имеют высокий уровень доверия, что позволяет оказывать влияние на весь процесс миграции – от принятия решения до укорененности в принимающем регионе. Функционирование дискуссионных площадок по миграционной проблеме на базе Центра защиты прав человека с привлечением уполномоченного по правам человека в Воронежской области, представителей УВМ ГУ МВД РФ по Воронежской области, Национальной палаты Воронежской области, общественных организаций и социально ориентированных НКО позволяет оперативно выявлять проблемы и вносить рекомендации по совершенствованию работы. При этом происходит не только обсуждение проблем, но и артикуляция ожиданий в процессе партнерства, намечаются способы взаимодействия. Выявление противоречий, дискриминационных практик в реализации государственной миграционной политики, на бытовом уровне позволяет корректировать стратегию адаптации и интеграции мигрантов с учетом общественного мнения и готовности местного сообщества к включению в свой состав новых членов. Создание непрерывной системы взаимодействия с мигрантами, мониторинг возникающих в их среде проблем поможет спрогнозировать новые риски и точки напряженности. Государственно-частное партнерство способно выработать механизмы успешной реализации миграционной политики, решение экономических задач при сохранении благоприятных межэтнических отношений.

Черных А.В. Модель миграционной политики в условиях этнического и религиозного многообразия Пермского края

Ежегодно на миграционный учет в Пермском крае встает около 100 тыс. человек, в 2017 г. – 106,9 тыс. В России регион занимает среднее положение по числу мигрантов. Реализация миграционной политики и мероприятия по адаптации и интеграции мигрантов проходят по основным направлениям, которые осуществляют разные ведомства. Ведется работа по совершенствованию системы учета и регистрации мигрантов, профилактике правонарушений в сфере миграции; проводятся мероприятия по адаптации и интеграции мигрантов, реализуется деятельность общественных институтов новых диаспор.

В общественной сфере «миграционный дискурс» активизируется периодически, но не уходит из общественной повестки. Среди проблемных аспектов по-прежнему остаются актуальными взаимодействие разных институтов и ведомств в реализации миграционной политики. По-прежнему слаба активность общественных институтов в реализации социально-значимых проектов в сфере миграции. Проведенные Сетью этномониторинга исследования в среде экспертов показывают, что миграция воспринимается лицами, принимающими решения, как очень сложное явление и среди экспертов нет единой позиции по оценке значимости миграции, ее влияния на экономику, демографию, общественную и культурную жизнь региона. Эксперты пока не склонны рассматривать миграцию в Пермском крае как особую проблему для местного населения, не прогнозируют риски или возможные конфликты в этой сфере. Но в целом эксперты воспринимают явление миграции скорее как негативное, что следует из большого количества отрицательных оценок влияния миграции на различные сферы общественной жизни, на межнациональные и межрелигиозные отношения.

Шабаяв Ю.П. Проблема регионализма национальной политики

Россия как государство и как геополитическое пространство является сложным образованием, где региональные интересы нельзя не учитывать. Разнообразие стало основой политического регионализма на рубеже 1980-1990-х гг. Культурные различия российских территорий формируют российский федерализм. Не случайно российский федерализм называют «этническим».

Политический регионализм достиг своего «апогея» летом 1993 г., когда была провозглашена «Уральская республика», просуществовавшая 131 день. При этом если бывшие автономные республики в составе РСФСР стремясь расширить свои полномочия и повысить статус принимали декларации о суверенитете не опираясь на поддержку населения (решения принимали на сессиях Верховных Советов), то создание Уральской республики опиралось на результаты областного референдума. И это был только второй случай в советской и постсоветской истории, когда состоялся реальный акт суверенитета

(в январе 1990 г. состоялся референдум в Крыму, по результатам которого была восстановлена Крымская республика). В ноябре 1993 г. Президент РФ Б.Ельцин издал указ о роспуске Свердловского облсовета и отмене его решений, включая решение о создании республики, и об отставке тогдашнего губернатора области Росселя. Уральские регионалисты потерпели поражение, по их собственным оценкам, потому, что идеология Уральского регионализма не опиралась на «этнокультурный фундамент». Последующее развитие, например, поморского регионализма, как и последующее развитие сибирского регионализма, опиралось на идею, что поморы и сибиряки – это «отдельные» и «самостоятельные» этнические общности. Однако убедить в этом значительную часть жителей соответствующих регионов не удалось.

Значительная часть российских регионов до сих пор не оправилась от кризиса 2008-2009 гг., уровень жизни населения здесь падает. Поэтому население беднеющих регионов «голосует ногами», массово покидая депрессивные регионы и мигрируя в благополучные столичные агломерации. Миграция все очевиднее становится некой формой протеста, против того положения, в котором оказались некоторые российские территории.

Шнирельман В.А. Русский марш и мигрантофобия

Около десяти лет новый праздник «День народного единства», введенный в 2005 г., был практически монополизирован ксенофобским «Русским маршем», не сплывающим, а, напротив, раскалывающим общество. Как же получилось, что праздник стал удобной площадкой для демонстрации ксенофобии? Детальный анализ показывает, что праздник по-разному интерпретируется властью, церковью и общественностью. Именно это и позволило радикалам использовать его для мигрантофобской пропаганды.

Исторические данные о Смуте начала 17 в. хорошо показывают, кто «наши», а кто «не наши», и кто победил. Это дает радикалам повод провозгласить себя голосом «русского народа», т. е. доминирующего большинства, требующего решительно разделаться с коррупцией, установить в стране порядок и восстановить справедливость. При этом в контексте «Русского марша» социальные требования тесно переплетаются с этнонациональными. Поэтому его организаторы и участники нередко представляют себя «народным ополчением», выступающим против «воровской власти», которая находится либо в руках «иногородцев», либо под их влиянием и в любом случае воспринимается как «нерусская».

В марше активно участвуют разные группы радикалов, формирующих несколько колонн, идущих под разными лозунгами, причем из года в год эти лозунги меняются. Кроме того, в 2013 году радикальное движение раскололось, что привело к проведению одновременно двух разных маршей с достаточно различной повесткой дня. Одни подчеркивают свою верность национальной демократии, другие – имперским ценностям, одни выступают против войны на Украине, другие активно поддерживают донбасских сепаратистов, одни идут под антииммигрантскими лозунгами (в 2018 г. наряду с протестами против мигрантов из Средней Азии, появились лозунги «Китай вон из Сибири» и «Против продажи Сибири Китаю»), другие культивируют антисемитизм и откровенный монархизм.

У «Русского марша» есть и определенный антизападнический заряд, подчеркивающий антизападническую идентичность России.

В итоге, вместо интеграции, этот праздник получает ярко выраженную дезинтегративную функцию, но не в силу иного нарратива, отличающего участников «Русского марша» от остального общества, а из-за реинтерпретации общего нарратива. Действительно, организаторы праздника расходятся в его понимании. Если государство трактует «День народного единства» как манифестацию единства всего российского общества, то в Московской патриархии добавляют к этому единство Церкви, что тут же ставит православных в привилегированное положение (хотя патриарх Кирилл осуждает радикализм). А «Русский марш» делает акцент на этнонациональной солидарности, пытаясь резервировать праздник за русскими и противопоставить их либо всем «иногородцам», либо «некоренным».

СЕТЬ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ, РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов» – общественная научно-аналитическая организация, учрежденная Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук в 1993 г. с целью изучения этнического, культурного и религиозного разнообразия в общественно-политическом контексте. Организация объединяет ученых более чем из 40 регионов Российской Федерации и постсоветских государств. Организация публикует ежегодные доклады об этнополитической ситуации в России и сопредельных государствах на основе мониторинга и специальных исследований.

Директор Сети этномониторинга – академик РАН В.А. Тишков.

Оргкомитет Семинара
 Кульбачевская О.В. (координатор)
 Мартынова М.Ю.
 Степанов В.В.
 Черных А.В.

119991 Москва, Ленинский проспект 32-а, ИЭА РАН, к. 1818
 Телефон +7 (495) 938-1779; Факс +7 (495) 938-0043
 eawarn@mail.ru